
Илья Константинович
Ломакин

**Нам предложили
начинать все свои речи
со слов: «Бис миля
э ля рохман э рохим!»**

Как меня сплавляли из института

Банкиром я стал исключительно благодаря моим родителям. Хотя, казалось бы, какое мой отец, военный, имел отношение к финансам?! Практически с самого детства, когда произошла революция, и до окончания Великой Отечественной войны он служил в армии. Ну и мама, как жены военных, была домохозяйкой. И, тем не менее, когда я учился в десятом классе, мой отец вдруг порекомендовал мне поступать в Московский финансовый институт. Очевидно, он видел дальше меня. В то время мало кто мечтал о карьере финансиста. Это было время романтики, физиков и лириков. Все мои друзья шли в МАИ, МИФИ, Физтех... Да и я собирался поступать в геологоразведочный институт. Постоянно ходил с друзьями в походы. Был заядлым туристом, поглощал книги про путешествия и приключения. Как и большинство сверстников, мечтал об великих открытиях в науке, больших комсомольских стройках, хотел участвовать в покорении космоса или, на худой конец, стать разведчиком.

В общем, о финансах я и не думал. Профессия финансиста в наших рейтингах стояла на последних местах. Особенно у ребят. Финансист представлялся тихим, худым хилляком, в очках и черных бухгалтерских нарукавниках.

И, тем не менее, я поступил на финансово-кредитный факультет Московского финансового института. Начинались самые незабываемые студенческие годы. Я сразу понял, что получение знаний определяет дальнейшую судьбу. И все годы в институте уделял большое внимание учебе. Это позволяло мне чувствовать себя уверенно и быть достаточно успешным студентом. Делал я это без напряжения — учиться мне было интересно. Конечно, было иногда нелегко, безоблачной жизнь не была.

Причем все сложности я создавал себе сам! В 1966 году, будучи на пятом курсе, незадолго до завершения учебы в институте, написав диплом, я поехал в тайгу в поход сплавиться на плотах. Надо сказать, что на протяжении всего времени учебы меня не покидал интерес к геологии, открытию новых, неведомых мне просторов нашей страны. В тайгу я выезжал каждое лето. Сдав экзамены, на два, два с половиной месяца. Причем мне не нравился обычный отдых. В походах мне было

интересно общаться с местными людьми, живущими в этих краях. Заниматься вместе с ними рубкой просек, сплавливать по реке лес на плотах. Насколько это было тяжело и опасно, настолько же интересно. Это была проверка настоящих мужских качеств. В таких экстремальных условиях вырабатывалось умение коллективных действий, взаимовы-

И. К. Ломакин

1966–1967

Инспектор кредитного отдела
Первомайского отделения
Госбанка СССР

1967–1968

Инспектор Главного валютно-
го управления Госбанка СССР

1968–1970

Студент Института
восточных языков при МГУ

1973–1978

Директор Русско-Иранского
банка (Тегеран)

1979–1983

Главный эксперт
отдела совзагранбанков
Главного валютного управле-
ния Госбанка СССР

1983–1988

Заместитель управляющего
Отделения Моснарбанка
в Сингапуре

1988–1992

Представитель Моснарбанка
Лондон, Морган Гренфилд
и Банка Шотландии в Москве

ручка, понимание необходимости полного доверия друг другу. То, что потом очень понадобилось во «взрослой» работе!

Итак, я написал дипломную работу и с чистой совестью отправился в тайгу, «за туманом»... Уверенный в том, что успею вернуться и сдать госэкзамены. Тем более мне готовиться к ним особо не надо! И вот на одно из важнейших событий в моей жизни — опоздал. На три недели! Из-за проливных дождей в районе, где мы сплавливались, произошло наводнение и наши плоты затонули.

Представляете мое состояние, когда я возвращался в Москву, когда входил в институт? К этому моменту, конечно, прием экзаменов уже закончился. Каково мне было смотреть в глаза перед преподавателям, родителям, однокурсникам? Нашим деканом был Игорь Васильевич Левчук. Позднее я постоянно взаимодействовал с ним по работе: он был освобожденным секретарем парткома Госбанка СССР, работал в ЦК КПСС, курируя вопросы кредитных учреждений Советского Союза. На пенсию же ушел с должности заместителя Председателя Госбанка СССР. Сейчас ему больше восемьдесят лет. И мы поддерживаем с ним хорошие отношения.

А в тот раз он проставил мне за неявку двойки по всем предметам и исключил из института. Вот так пять лет учиться, быть без пяти минут дипломированным специалистом и так все разрушить!

Пришлось идти работать в Первомайское отделение Госбанка СССР в Измайлове. Работал простым инспектором в кредитном отделе в команде с восемнадцатью женщинами. Для меня это было большим ударом, так как мои сокурсники Юра Полетаев и Владимир Телегин были распределены в это время во Внешторгбанк.

Через шесть месяцев меня допустили до дипломной работы и сдачи государственных экзаменов, которые я сдавал с международной группой (они учились на полгода дольше). Но при этом я должен был писать заявление, каяться. Это был хороший урок для меня, по сей день, я очень требователен к себе.

Заканчивая рассказ о студенческих годах, не могу не вспомнить с глубокой благодарностью своих преподавате-

1992–1995

Заместитель управляющего
Отделения Моснарбанка
в Сингапуре

1995–2002

Председатель Правления
«Моснарбанк-Москва»

2002–2007

Главный исполнительный
директор «Еврофинанс-
Моснарбанк»

лей: И. В. Левчука (несмотря ни на что!), И. Л. Калихмана, А. Л. Реуэля, В. В. Щербакова, М. М. Усоскина.

В заключение этой части вспомнился случай уже из 90-х годов. На день рождения Геращенко в столовой Центробанка мы мирно беседуем с пенсионером, советником какого-то банка Игорем Васильевичем Левчуком. К нам подходит, президент банка «Возрождение» Дмитрий Орлов иронично спрашивает меня: «Илья, а ты что с ним пьешь?! Он ведь нас из института исключал!» Дело в том, что у нас действительно оказалась очень похожая студенческая судьба.

Как Иран заговорил по-арабски

И вот после всех этих приключений я воссоединился со своими друзьями-однокурсниками. Меня тоже взяли в Главное валютное управление Государственного банка СССР. Руководил им тогда Петр Терентьевич Носко. Поручили заниматься протокольной работой. Управления внешних связей в банке еще не было. До меня на этом посту трудился Гучак, уехавший на работу в Лондон. И стал я организовывать встречи и проводы всяких иностранных банкиров. Видимо, я сумел проявить себя на этом участке, через два года, меня направили учиться на специальный факультет Института восточных языков при МГУ — изучать арабский язык. К тому времени я активно занимался общественной работой и вступил в члены партии.

В арабском мире у нас был один банк — в Ливане (отделение Моснарбанка в Бейруте). Именно там были нужны выпускники этого спецфакультета. По сокращенной программе я отучился там два года. И после обучения меня направили на работу... в Тегеран!

А получилось это так. В 1971 году меня вызвал начальник управления кадров Матвеев, поздравил и сказал, что по представлению Госбанка СССР и решению ЦК КПСС я поеду в Иран. Моему удивлению не было конца: «Как в Иран? Я же учил арабский язык!» «А на каком там говорят?» — спросил Матвеев. Пришлось объяснить, что у персов и арабов один «Коран», а язык разный и в Тегеране надо знать фарси. Надо сказать, что тогда попасть за границу было очень сложно. Поэтому начальник управления кадров мне сказал, чтобы я помалкивал и ехал в Иран. Иначе вычеркнут из списков и Бог знает, когда я туда вновь попаду! В итоге в 1972 году я успешно уехал в Иран при полной уверенности ЦК, что в Иране говорят на арабском языке. И это при том, что там работали очень подкованные квалифицированные люди.

Русско-Иранский банк был создан еще в 1923 году, капитал его был полностью советским. Он достаточно успешно работал, выполнял свою роль в обслуживании торговых отношений между нашими странами.

В Русско-Иранском банке я стал курировать экономический сектор и сектор валютных операций. Ответственен я был за выпуск бюллетеня.

В банке работало человек семьдесят, из них четверо или пятеро были советскими гражданами. Я работал при двух председателях банка. Поэтому могу сравнивать. С точки зрения деятельности банка, оба были полезными руководителями. Вначале банк возглавлял Константин Назарович Жуков. Его сменил Павел Дмитриевич Николаев. Это были два антипода.

Павел Дмитриевич — незаурядный человек, командир роты штрафников во время Великой Отечественной войны. Хороший, правильный, убежденный коммунист, жесткий и властный. Работал он помощником председателя Госбанка СССР, кажется Свешникова. По своему предыдущему опыту и образованию, конечно, человек в системе совзагранбанков был не свой. Не было у нас тогда практически банкиров с международным опытом, кроме тех, кто успел пройти школу заграничных банков. Николаев не знал английского языка (и всех других, кроме русского) и выходил из положения следующим образом. Когда приходили иностранные делегации, он спрашивал: «Ду ю спик инглиш?» И если ему отвечали утвердительно, то отвечал с сожалением: «Ай спик джоман!» Не научился он, хотя неоднократно пытался, и водить автомобиль. Первое, что он сделал, взяв управление банком на себя — запретил использование ручных компьютеров NCR (вернее, примитивных еще арифмометров). Помню, как он обратился ко мне: «Илья Константинович, вот это выбросить! Обманут банк, обворуют!» Вновь у нас появились забытые счета. Мы вернулись к записям в Главной бухгалтерской книге.

Несмотря на все эти причуды, банк работал нормально.

Жуков был интеллигентом, хорошо знающим французский язык и проработавшим несколько лет в Париже. Был очень мягким и вежливым и исключительно приятным человеком. Руководил он тоже хорошо. Но в то суровое время такие манеры не ценились. Николаев был более понятен тому уровню сознания людей!

Константин Назарович руководил банком между двумя сроками работы Павла Дмитриевича. Вернувшись в Тегеран, Николаев провел тщательную ревизию деятельности предшественника. И заявил, что Жуков был плохой руководитель, не отчитался за какие-то командировочные, значит, нечист на руку. Более того, он написал соответствующую бумагу и пустил ее по партийной линии. Я был тогда секретарем партийной ячейки (называлась она для конспирации профсоюзной), поэтому вынужден был всем этим заниматься. Письмо было с передержками и явно рассчитано на партийное бюро посольства, бдительно следящее за сохранением порядка (в их понимании) на вверенных объектах. В финансах они ничего не понимали, так как были геологами, инженерами, технологами... Любое обвинение они воспринимали как покушение на основы социализма. Главное им было вовремя дать партийную оценку! Высказывал свое мнение и я, успокаивал, что если и были Жуковым совершены нарушения, то он не покушался на основы общества и делал обычные ошибки работающего человека. И человек он наш, советский, выдержан-

ный и надежный. Секретарь партбюро посольства тогда даже вызвал меня и попросил написать сказанное, оно было так далеко от проверяющих, что они не могли это зафиксировать самостоятельно. В результате документ был серьезно смягчен, но на Жукове осталось клеймо не достаточно благонадежного сотрудника.

Поскольку, к несчастью Жуков в Тегеране однажды задел своей машиной перебежавшую дорогу девочку. Константин Назарович сразу остановился и отвез ее в больницу. Иранцы — фаталисты и не сильно соблюдают правила уличного движения, так что Жуков не был виноват в инциденте. Но из этого случая в дальнейшем попытались раскрутить целый детектив.

Был у нас местный управляющий — иранец с русскими корнями Изади. Он возглавлял также кредитный отдел. Прекрасный человек, знающий специалист. Сейчас, кстати, ему лет семьдесят и он живет в Париже.

Так вот Жукова обвиняли в том, что компенсацию на лечение девушки ему помог сделать Изади. Константину Назаровичу стали «шить» связь с иностранцами, объявив его чуть ли не шпионом, подкупленным иранской стороной. Наши органы с радостью уцепились за такую историю и начинали копать. Факты в этом случае были не нужны. Конечно, ничего не накопили, но вот из-за таких «писем» и закончилась карьера Жукова. Совершенно незаслуженно. Хотя практически все профессионалы, безусловно, подтвердят, что это был кристально честный человек и сильный специалист.

Экономика Ирана тогда была на подъеме, она росла высокими темпами. Для нас особо был интересен начавшийся с 1975 года банковский бум. В Иран пошли работать иностранные банки: американские, английские, французские... Создавались филиалы, самостоятельные банки открывать не разрешалось. Приемы по этому поводу происходили буквально каждую неделю.

Иран тогда был в хороших отношениях с большинством стран мира, в том числе и с Советским Союзом. Да и отношение к Ирану в мире также было достаточно благоприятным.

Не место здесь говорить о каких-то политико-социальных корнях революции, которая привела к власти Хомейни. Но было очевидно, что когда девяносто пять процентов богатства страны, находясь в руках пяти процентов населения, хорошо история не закончится! И это, в конечном счете, погубило шахский режим.

Программа модернизации, которая осуществлялась с помощью иностранных специалистов (к моменту исламской революции их было в стране уже 300 тысяч!), пошла наперекос. Страну разъедала невероятная коррупция. Это вызывало разочарование у многих иранцев, возмущение в обществе. Монархия сама себе рыла яму.

«Ситуация вокруг Ирана: истоки и перспективы»

Лекция Леонида Шебаршина, бывшего начальника внешней разведки КГБ СССР, прочитанная в МГУ 18 октября 2006 года

Я уехал из Тегерана в 1978 году, за неделю до отъезда в декабре из страны шаха.

Шах Мохаммад Реза Пехлеви вместе с семьей вылетел в Египет 16 января 1979 года. 9–10 февраля восставшие захватили большинство полицейских участков, армейских казарм и военных баз. Исламская революция победила 11 февраля 1979 года (*прим. авт.-сост.*).

По сути всю революцию я прожил в Тегеране и уехал из него, когда все было предрешено. Я ходил по этим улицам, видел обстрелы, погромы. Они начались за шесть месяцев до нашего отъезда. Восстание было воистину народное. Шахскую гвардию буквально забили палками и камнями. Революцию проглядели и мы, и американцы. Когда шах уже не имел реальной власти, из Москвы ему приходили поздравления с праздниками с пожеланием всяческих успехов.

Тем не менее, накануне исламской революции, в декабре 1978 года, из Москвы прозвучало предостережение: Л. И. Брежнев 11 ноября предупредил Америку о недопустимости постороннего вмешательства в дела Ирана (*прим. авт.-сост.*).

Вначале шах еще пытался сопротивляться, в южной части города, на площади Жале верные ему люди поставили танки «Чифтен» английского производства, установили виселицы и вешали активистов-революционеров. Потом шахская армия расстреляла невооруженную толпу. Эти огромные танки сделали несколько выстрелов по кварталам бедных иранцев. Глиняные кварталы разлетались от одного залпа. Помню, было много крови! И шах не выдержал этого психологического давления.

Первые признаки грядущей революции проявились в конце лета 1978 года. По стране прокатились массовые волнения и забастовки. Их главным лозунгом был: «Долой шахский режим!» 8 сентября по призыву исламского духовенства на улицы Тегерана вышло более тридцати тысяч иранцев, одетых в белых саваны — в основном это были учащиеся, студенческая молодежь, ремесленники и мелкие торговцы. Они несли антимонархические и антиамериканские транспаранты. Демонстрация была расстреляна, и этот день вошел в историю под названием «чёрная пятница» (*прим. авт.-сост.*).

И когда 8 сентября 1978 года на тегеранской площади Жале шахские власти подавили огнем массовую демонстрацию, то зачинщиками расстрела сотен иранцев стали специально присланные из Израиля полицейские подразделения.

Солодарь Цезарь. «Дикая полынь», М., 1986

Кульминация событий — декабрь 1978 года, против продолжающихся демонстраций были использованы танки. Горожане стали устраивать так называемые «стены огня». Они поджигали разложенные поперёк улицы автопокрышки, чтобы помешать полиции окружить митингующих.

Начался разгром города. Бунт бессмысленный и беспощадный, как говорил классик. Были сожжены все автобусы, на которых, как вы понимаете, не ездили богачи, их использовал народ. Были разгромлены все кинотеатры, начали громить банки. Они, как и наш, были окружены оградой. Революционные бойцы подъезжали к зданиям, к решеткам привязывали тросы и машинами выдергивали их, после чего врывались на территорию банков и сжигали, громили все, что ни попадя. Наш банк не тронули, мы заблаговременно наклеили на всех окнах портреты Хомейни, и бросать в них камни стало неудобно. А может, и потому что к советским тогда относились более уважительно.

Наши кураторы из посольства, которые еще недавно говорили: куда нам ходить, куда не ходить, постоянно проводили инструкции, лекции о правилах нашего поведения, неожиданно пропали! Перестали они нас пускать и на свою охраняемую территорию. Запретили въезд машин на территорию посольства, аргументировав это тем, что наши машины не проверяются и в них может быть заложена взрывчатка. Мы мотались, когда это было необходимо, по городу. Никакой защиты у нас не было, нас просто оставили на произвол судьбы. А так как жили мы на севере Тегерана в летней резиденции посольства, то нам приходилось ехать на работу через весь город. Так как банк располагался в южной части города. Было это явно небезопасно, ведь как только на улице появлялась машина с иностранцем, она переворачивалась толпой и сжигалась. Хорошо, если водителю и пассажирам давали выскочить из нее. Так, кстати, случайно погибли два или три сотрудника наших компаний, работающих в Иране. Не остановились по требованию стражей исламской революции, и их обстреляли вслед.

Наши дома, вместе с домами работников «Аэрофлота» и других созагранучреждений, находились, как я уже говорил, на территории летней резиденции посольства. Эту территорию еще в незапамятные времена, получили русские казаки, и она до сих пор принадлежит России. Недалеко, километров в четырех от нас, располагался роскошный Ниаваранский дворец шах-ин-шаха. И когда революционная ситуация подошла к развязке, то с ближайшей горы (высотой метров сто), через нас по нему велась постоянная стрельба из пулеметов. Было действительно страшно, но бросить все мы не могли. Кстати, Дима Мозгин в это время один сидел в Исфагане и постоянно просил его отпустить, хотя бы в Тегеран.

В ночь штурма дворца мы слышали крики «Аллах Акбар!», стрельбу, взрывы, видели толпы орущих людей, бегающих прямо перед нашим домом. Погас свет. Думаю, не стоит говорить, какое состояние было тогда у меня, ведь я был ответственен не только за свою судьбу. В этой ситуации я посадил в машину свою жену с двумя детьми (дочь и незадолго до

этого родившегося сына), жену коллеги Леонида Громова с детьми и приготовился к эвакуации. Я решил, если толпа вторгнется к нам, несмотря ни на что прорваться из этого окружения. Больше рассчитывать было не на что и не на кого! Ни полиции, ни охраны посольской! К счастью, тогда все обошлось. Целью атакующих был шахский дворец, на нас они не стали отвлекаться.

Одним из первых декретов нового правительства Хомейни в 1979 году был Декрет о национализации всех иностранных банков. В 1983 г. был принят Закон Исламской Республики Иран «О банковских операциях без рибха (ростовщического процента)» (вступил в силу с 1984 г.). В соответствии с ним все банки в стране должны были в течение года перевести свои депозиты на беспроцентную основу, а в течение трех лет привести все свои операции в соответствие с требованиями шариата. Функционировать в результате этого стали только государственные банки. Открытие частных и иностранных банков законом разрешалось лишь в свободных экономических зонах. И даже в них национальный капитал должен был составлять не менее 51%.

В Законе также предусмотрена особая социальная роль исламских банков. Так, в соответствии с Конституцией страны, банки обязаны выделять часть средств для выдачи беспроцентных ссуд нуждающимся.

Банкам запрещается участвовать в финансировании проектов по производству предметов роскоши и потребительских товаров, не являющихся предметами первой необходимости.

Только в 2001 году был принят ряд мер по либерализации банковской сферы. В частности, были открыты два первых частных банка (банк New Economy и банк Parsian). Позже появились первые иностранные банки (арабские) (*прим. авт.-сост.*).

Мне пришлось уехать в СССР.

Осенью 1982 года я был вновь направлен в Тегеран в составе специальной правительственной комиссии. Возглавлял ее зампред Внешторгбанка Альберт Родионович Макеев. В нее входили Альберт Георгиевич Воронин и юрист банка Дмитрий Леонидович Иванов. Мы должны были провести переговоры с Центральным банком Ирана о судьбе активов Русско-Иранского банка. Забегая вперед скажу, что иранцы поступили абсолютно честно и вернули нам вложенный капитал и резервы.

Пробыли мы для этого в Иране три месяца.

Хорошо помню первую встречу в Банк Маркази Иран (Центральном банке). В зале с одной стороны стола расположились мы шестером, с другой стороны человек двадцать иранцев. Среди них были представители высшего духовенства, надзиравшие над процессом, и новые экономические лидеры страны. В переговорном зале висел огромный плакат, нарисованный гуашью, который я специально сфотографировал. На нем была изображена огромная толпа иранцев, которые подняли

вверх руки, и все эти руки сливаются в один общий кулак, который держит за горло и душит Брежнева и Картера. Из этого можно представить, какой предварительный заряд для переговоров был у нас, когда мы увидели этот плакат.

Далее Председатель Центрального банка предложил нам начинать все свои речи со слов: «Бис миля э ля рохман э рохим!» Что означало «Во имя аллаха, милостивого и всемогущего!» Макеев меня переспросил, что они сказали, и уверенно ответил, что не будет это повторять. Последовала реакция руководителя иранской делегации — если мы не будем этого говорить, то переговоры невозможны. Мы покинули Центральный банк и три недели бодались с иранцами на всех уровнях, от посольства до банка. Руководитель нашей делегации Макеев тем не менее наотрез отказывался произносить эту фразу. У советских собственная гордость!

Нашей делегации выделили небольшую квартиру в посольском жилом доме. Все это время мы и сидели в ней. Выходить было просто некуда, все учреждения были закрыты, в 1982 году началась война с Ираком, обострявшая и без того напряженную обстановку. К довершению всего, исламскими властями сразу был объявлен сухой закон и за употребление спиртных напитков можно было поплатиться головой. Единственным нашим занятием была игра в преферанс. Все при этом нервно курили, и в комнате было нечем дышать, т. к. окна открывать не разрешалось — в городе ввели светомаскировку, по вечерам не включался свет, чтобы авиация противника не обнаружила важные объекты. Где-то, в других кварталах, падали бомбы, благо не рядом с нами.

По очереди мы готовили кашу. Однажды, демонстрируя свой демократизм, взялся на всех варить рисовую кашу Макеев. Опыта у него явно не было, она получилась излишне жидкая, тогда Альберт Георгиевич добавил в нее манки. Чтобы его не расстраивать, все это мы съели.

За три месяца, пока велись переговоры, мы еще перенесли налет на наше посольство. Произошел он в конце декабря, в годовщину ввода советских войск в Афганистан. Как говорили впоследствии работники посольства, налет был хорошо разработан и не был спонтанным действием. Сотни тысяч людей в 9 часов утра окружили посольство и начали в мегафоны скандировать. Крик стоял часа три или четыре. Мы сидели внутри, как кролики, так как выйти оттуда было невозможно. В два часа дня начался штурм посольства и прилегавших к нему жилых зданий сотрудников. Через забор полезли люди с палками. Осаждавшие, ворвавшись внутрь здания посольства, разбили внутри все, что им попало под руки, включая красивейшую люстру, оставшуюся еще со времен Александра Грибоедова. Один из мародеров пытался в актовом зале разбить мраморный бюст Ленина, бюст упал и сломал ему ногу. Погром продолжался примерно час. Во время штурма никого не убили, но некоторые сотрудники попали в больницы из-за серьезного шока, получив инфаркты. Собаки посольские спаслись, так как предусмотрительно спрятались по щелям.

Только к часам пяти или шести прибыли работники правопорядка, поставили пулемет на крышу посольства и стали стрелять по верх голов, чтобы разогнать толпу.

В комнате мы сидели вшестером, и когда все закончилось, достали из шкафов разные «успокаивающие» напитки из неприкосновенного запаса и принялись снимать стресс. Альберт Георгиевич Воронин решил померить давление, так как у него болела голова. Позвали врача. Когда измерили давление, у него оказалось сто девяносто на сто двадцать. Я еще над ним пошутил по этому поводу, ну и для интереса померил давление себе, оно оказалось тоже повышенным для здорового человека: сто восемьдесят на сто десять. Такой был психологический стресс.

В итоге мы все-таки подписали документы, которые были составлены на фарси. Все счета, по которым еще много лет получали деньги, составили несколько томов подготовленной документации. Один комплект, как положено, остался в Иране, а другой мы привезли и сдали в архив Госбанка СССР. Через какое то время от наших сотрудников, у которых в Иране остались счета, пошли запросы, как бы им вернуть свои деньги. Список таких людей к нам пришел из ЦК. Требовалось посмотреть их остатки на счетах. Мы пришли в архив и обнаружили, что вместо нескольких томов привезенной документации лежит маленькая папка, а в ней только несколько бумаг по приемке документов. Самих же документов не было! Оказалось, что приходил, как сейчас помню, главный эксперт товарищ Атаманюк из валютного управления и, посмотрев на тома, написанные на неведомом языке, подумал, что их все равно никто не прочтет, и распорядился их выбросить. В результате остался баланс и еще несколько документов на русском языке. И пришлось нам посылать иранской стороне письмо с просьбой выслать копии необходимых бумаг.

Я рад, что потом началось постепенное потепление в наших отношениях. Есть много объективных политических, экономических причин, по которым мы должны находиться в нормальных отношениях с Ираном. В первую очередь потому, что это наш сосед.

В мистическом Сингапуре

Далее я работал главным экспертом в Главном валютном управлении в отделе совзагранбанков Госбанка СССР. Управление тогда возглавлял А. Г. Воронин, с которым я и в Тегеране кашу ел.

Интересный момент произошел в эти годы, связанный с выделениями денег на Сингапурский банк, для покрытия им убытков. Каждый год туда выделялось от тридцати до пятидесяти миллионов долларов. Все это оформлялось решением Политбюро! Мы с Черновым готовили документы в Москве, Суворов сидел в Сингапуре. Виктор Сергеевич Алхимов говорил, что надо немного завышать необходимую сумму помощи, аргументируя это тем, что если по какой-нибудь форс-мажорной причине денег не хватит, не придется дополнительно просить и писать объясни-

тельные бумаги вождям. В результате в течение трех-четырех лет накопилась некая сумма (50 или 60 млн), в итоге оказавшаяся излишней. Тогда председатель Госбанка собрал нас, «ответственных» за это: меня, Суворова, покойного Воронина (Чернова почему-то не было) — и сурово спросил, как такое получилось. Мы попытались оправдаться, напоминая Виктору Сергеевичу его мудрые советы. Но он был непреклонен: «Все запутали! Кто это все делал?» Посмотрел документы, исполнителем в них был указан Леша Чернов. Решение было найдено: выяснив сначала, кто такой Чернов, председатель приказал его наказать! А надо сказать тогда Алексей был мальчишкой, только окончившим институт и отслужившим в армии. Потом все спустили на тормозах, Чернов-то не был ни в чем виноват, это было ясно всем.

Эпизод, говорящий об уровне тогдашних наших руководителей, следующий. Однажды я принес Алхимову бумагу, в которой говорилось, что благодаря действиям, произведенным нашими сотрудниками, помощь Сингапурскому банку сократили на пятьдесят процентов от предполагаемого объема. Виктор Сергеевич прочитал бумагу и предложил мне заменить выражение «сократилась на пятьдесят процентов» на «сократилась наполовину». На мое недоумение он ответил: «А то в ЦК и Политбюро не поймут, что значит пятьдесят процентов».

В 1983 году меня направили в Сингапур. Работали мы там вместе с Игорем Суворовым, моим многолетним товарищем по работе и другом. В Сингапуре я провел восемь лет, а он — тринадцать. Там я курировал валютные операции и IT-технологии, бухгалтерию и все остальное, кроме кредитной деятельности, это направление в той же должности было за Игорем. Могу сказать, что Владимир Алексеевич Дровосеков — глава отделения и Суворов проделали уйму работы, чтобы снять все ограничения с банка после известного кризиса. Владимир был хорошим мужиком, но за громкий голос и безапелляционность мы его прозвали «Гаврилой».

Но, конечно, главный вклад в разрешение кризиса нашего отделения сделал Виктор Владимирович Геращенко. Безусловный лидер, блестящий профессионал. Ему не было равных в банковских кругах, думаю, нет и сейчас! Однако он не сумел в 90-е годы, уже будучи главным банкиром страны, сплотить вокруг себя надежную команду специалистов. И наломали дров тогда в России немало! И до сих пор у нас очень уязвимая банковская система, не имеющая, в частности, эффективного надзора.

Как я уже говорил, я проработал в Сингапуре восемь лет. Я восхищаюсь его успехами! Премьер-министр Ли Куан Ю умудрился сделать из этой малограмотной, малокультурной нации, в первую очередь за счет образования, очень продвинутое общество. В Сингапуре очень жесткая и продуманная система школ и вузов. Она не только и даже не столько дает людям возможность получить образование. В стране прежде всего занимаются воспитанием людей, внедряя принципы существования государ-

ства, его идеологию. Благодаря этому вырастают люди с определенными жизненными критериями. И в этом секрет огромного успеха Сингапура. Часто эту страну обвиняют в отсутствии демократии, но как-то это не мешает им развиваться. А начали там с того, что, снимая трубку телефона, прежде, чем раздастся гудок, все слышали призыв: «Не плюйте! Плевать на улицах — плохая привычка!» Культура внедрялась в сознание! Был запрещен ввоз в Сингапур жевательной резинки (не говоря уж о производстве). В результате улицы стали идеально чистыми. Все это было организовано под эгидой государства!

С 1988 по 1991 год я работал представителем Моснарбанка Лондона в Москве. Представлял я вместе с этим интересы и Morgan Grenfell и Банка Шотландии (Bank of Scotland). Сменил я на этом месте Александра Александровича Мягкова. А на мое место пришел заместитель Андрей Александрович Бутин, бывший помощник Макеева.

Представительство стало мостиком между советской, а потом российской экономикой и банками. С шотландцами, однако, ничего не вышло. Они только собирали информацию, а деньги в Россию так и не вложили. Приезжали периодически их представители, но риск России они не приняли. «Морган Гренфелл» участвовал в целом ряде крупных нефтехимических проектов, в частности финансировали строительство полиэтиленового завода в Татарстане. Но потом они отделились и создали собственное представительство в Москве. Мой заместитель Нил Дженкинс (Nil Jenkins) возглавил его, сейчас же он работает в «Рос чайлд Корпорейшн Лондон».

Расположенный в Лондоне Московский народный банк (МНБ) организует в России независимую дочернюю финансово-инвестиционную компанию «Монаб», которой отводится роль филиала МНБ в России. Организация компании является частью процесса переориентации МНБ на консультационную и посредническую деятельность. 9 января началось оформление документов компании «Монаб» для регистрации в московском правительстве...

По сообщению представителя Московского народного банка в Москве Ильи Ломакина, банку грозит банкротство из-за остановки финансируемых им сделок, платить по которым должен был неплатежеспособный Внешэкономбанк СССР.

Пытаясь как-то удержаться на плаву собственными силами, Московский народный банк начал, в частности, активно заниматься консультационной и посреднической деятельностью, которая дает ему сейчас около 50% всех доходов. Именно для расширения этой деятельности МНБ открывает финансово-инвестиционную компанию на своей «исторической родине».

По словам Ломакина, закрытая акционерная компания «Монаб» будет обслуживать иностранных инвесторов и российских предпринимателей. Иностранным инвесторам компания поможет найти объект для инвестиций (включая приватизируемые предприятия) и составить необходимую

документацию. Могут обращаться в «Монаб» и сами потенциальные «объекты инвестиций», желающие обрести иностранного инвестора. Следует отметить, что компания намерена заниматься размещением акций российских фирм на западных финансовых рынках через структуры МНБ.

Она также будет давать консультации по перестройке структуры предприятий в соответствии с международными стандартами. Компания будет заниматься также операциями на российском рынке ценных бумаг.

Уставной капитал финансово-инвестиционной компании «Монаб» составит около 66, 6 тыс. фунтов стерлингов (примерно 126 тыс. долларов). Компания будет практически выполнять функции российского филиала МНБ, банку будет принадлежать не менее 75% ее акций. Совладельцами «Монаб» должны стать две российские коммерческие структуры. По словам Ломакина, он сможет назвать конкретных российских участников только после подписания с ними договора, однако уже сейчас не скрывается, что это будут, скорее всего, один банк и одна биржа (либо другая богатая небанковская структура). Российский участник должен внести свой вклад недвижимостью (товарами) или в рублях по рыночному курсу.

Дмитрий Богданович. Московский народный банк открывает филиал в Москве // Коммерсантъ (Москва). — 13.01.1992

В ноябре 1991 года я вновь вернулся в Сингапур, уже как гость, на юбилей банка. И там у нас произошли как мистические, так и исторические события.

Александр Петрович Семикоз, будучи председателем Моснарбанка в Лондоне, также приехал в Сингапур. В выходные дни я предложил ему поехать в Малайзию на местный курорт Дизару, покататься в океане. Мы с ним в спортивных костюмах сели в мою машину и утром выехали из города. Чтобы пересечь границу, надо переехать двухкилометровую дамбу через Малаккский пролив. И вот на ней-то мы и встаем в огромную пробку. Как говорится, беда не приходит одна, у нас в машине ломается кондиционер, а стоим мы на самом солнцепеке. За два часа в этой пробке пятидесятиградусная жара превратила нас в сухофрукты. Александр Петрович читает притчу: «Не судьба, наверное, не надо было ехать!» Ну, с горем пополам выехали из пробки, при подъезде к курорту у меня с грохотом лопаются заднее колесо. Ни разу за восемь лет моего пребывания в Сингапуре ничего с колесами не происходило. Петрович вновь заподозрил что-то неладное и предложил все-таки повернуть обратно. Но я его снова переубедил, и мы решили, что если уж решились, то надо идти до конца. Приехали на место, отдохнули и, как большие любители тенниса, сразу пошли на корт. На втором сете Петрович упал и схватился за ногу. При ближайшем рассмотрении оказались потянуты связки. На что сразу последовал ответ Петровича, что это знак свыше. Я помог ему допрыгать до номера, и мы решили больше не испытывать судьбу. Вечером спустились поужинать. Выбрали открытую

часть ресторана. В спокойной обстановке сидим кушаем, я его успокаиваю, что все, мол, хорошо, это случайности, бывает, и т. п. И тут Александр Петрович откидывается назад на стуле и его кусает черная пчела. Мы зовем метрдотеля, который говорит, что этот укус может быть смертельным! Он тут же убегает за врачом, все суетятся. Петрович сидит, и у него уже начинается прилив ужаса, ему кажется, что все его тело немеет, сводит органы, ощущаются признаки скорой кончины. Наконец выясняется, что врача по близости нет, в выходные все уехали, однако нам приносят мазь «Савлон». Она, правда, совершенно не от укусов, скорее от ожогов, но в тот раз пользу принесла, видимо, вылечила сила самовнушения. Наконец кто-то мудрый успокоил: «Сэр, что Вы волнуетесь, его же не змея, а пчела укусила!» Петрович после этого в очередной раз сказал свою коронную фразу о том, что это знак к какому-то событию, мы сели на машину и уехали.

Когда приехали, выяснилось, что в Лондоне принято решение о закрытии Моснарбанка... 19 ноября проходил большой прием по поводу 20-летия банка. Был устроен конкурс на лучшее исполнение песен. Сингапурцы любят проводить всякие конкурсы, организовывать коллективные игры и забавы. Виктор Владимирович Геращенко, сообразуясь с моментом, затянул «Варяга».

В Сингапуре основная нагрузка по разгрузиванию ситуации, конечно, легла на Геращенко, Семикоза, Суворова и Московского. А вот в Москве я, как независимый директор Моснарбанка, также принял активное участие в спасении родного банка. Мы должны были оперативно подготовить и подписать у Гайдара «комфортное» письмо. На меня, руководителя московского представительства, и легла задача найти подход к Егору Тимуровичу и вручить ему письмо на подписание. В результате к Гаюдару, еще не вошедшему в курс дела революционеру, но уже проинформированному, пошел Семикоз. Все нам удалось сделать буквально дня за три.

Помогал нам и Валерий Телегин, председатель Внешторгбанка России, он нам предоставил депозит на сумму 60 миллионов долларов в качестве демонстрации поддержки Моснарбанка, Лондон.

Начинать все с нуля

В конце 1992 года я покинул представительство и вновь вернулся в Сингапур. Проработал там три года. И вот однажды мы прогуливались на кораблике втроем с Суворовым и Семикозом. За обедом с пивом друзья-коллеги поделились со мной идеей создать в Москве свой банк — филиал Моснарбанка. В Лондоне к тому времени мы не имели особых российских государственных заказов, поэтому надо было искать новые формы привлечения и зарабатывания средств. Я подтвердил, что идея замечательная, ее надо реализовывать. Ну и отлично, сказали все, будем считать, что решение принято. Надо решить, кто же будет его возглавлять! «Надо подумать!» — ответил я, но задуматься мне не дали. Коллеги, видимо, имели решение: «Мы хотим тебе предложить этим заняться!» «По-

чему это мне?» — удивился я без всякой радости. Менять насиженное место и налаженный банк, регулярные поездки в Лондон на суетную работу с неопределенным будущим явно не хотелось! Начинать все с нуля, с большой вероятностью неуспеха. Вся карьера насмарку! Тем более контраст чистого, комфортного Сингапура с сумасшедшей, неухоженной Москвой начала 90-х годов не внушал оптимизма.

Однако друзья меня убедили. Так в России появился «Моснарбанк-Москва», стопроцентная лондонская дочка, с оплаченным капиталом — \$23 млн.

Подготовка была тщательная — пока мы не начали работать к нам четыре раза приезжали представители органа английского надзора — FSA (британское управление по финансовым услугам). Только после этого мы получили разрешение на работу.

Вчера старейший росзагранбанк Moscow Narodny Bank Ltd. объявил о начале работы в Москве своей дочерней структуры — «Моснарбанк Лимитед».

«Моснарбанк Лимитед» получил генеральную лицензию ЦБ РФ еще 21 августа 1995 года. На подготовительную работу ушло два года. По отечественным меркам многовато, однако это вполне нормальный период подготовки для западных банков, начинающих работу в России, каковым, по сути, является МНБ.

По словам председателя правления московского Моснарбанка Ильи Ломакина, банк задуман как «точка опоры» лондонского МНБ на российском рынке. Он должен облегчить связь между Московским народным банком и его российскими партнерами.

Действительно, прежде при проведении операций на российском рынке Московскому народному банку приходилось действовать через российские банки. Для банка, желающего активно работать в России, это крайне неудобно — высокие транзакционные риски, «малые объемы операций, низкая скорость платежей». Другой росзагранбанк, парижский Евробанк, тоже пошел по пути создания своей структуры в России и открыл здесь дочерний банк «Еврофинанс».

Анастасия Булгакова. Московский народный банк
возвращается на историческую родину //
Коммерсантъ (Москва). — 04.03.1997

Банк дожил до 2002 года, когда английские власти наложили запрет на дальнейшее развитие операций. Мы стали настолько большими, что риск нашего обрушения искренне их беспокоил. По всем договором материнский банк отвечает за все обязательства дочки. Англичане идти на это не захотели. Наша лодка могла уже перевернуть сам корабль! Риск на Россию был ограничен. Нам жестко ограничили пути для развития, а отсутствие возможности развиваться — прямой путь вниз. И чтобы вы-

вести банк из-под консолидации, мы решили объединить банк с «Еврофинансами». В результате объединения у Лондона на первом этапе оставалось 20 %, позже были выкуплены и они.

Итого...

Российские банки, работающие за рубежом, за многие годы своего существования накопили большой опыт работы в условиях рыночной экономики. Более того, они аккумулировали лучшее, созданное западными и азиатскими банками, особенно в сфере подготовки кадров для банковской сферы. В России достаточно много банкиров, которые прошли эту «школу», сформированы ею, вобрали в себя «правильную» идеологию ведения дел лучших банков мира и успешно работают до сегодняшнего времени уже в России.

Всего один пример. Как известно, сейчас такая идеология современного банковского дела строится на принципах, сформулированных Базельским комитетом по банковскому надзору. Они и являются руководством для всех банков. Там изложено, что и как следует делать банкам. В июне 2006 года в Санкт-Петербурге состоялся XV Международный банковский конгресс под названием: «Базельские рекомендации: подходы и реализация». В ходе Конгресса обсуждался широкий круг вопросов. В частности, повышение эффективности банковского надзора, реализация «Базеля-II» («Международная конвергенция измерения капитала и стандартов капитала: уточненные подходы»), устойчивость банков и банковских систем, совершенствование внутреннего контроля и внутреннего аудита в банках. Участники обсудили проблемы перехода банковского сектора на составление финансовой отчетности по Международным стандартам финансовой отчетности (МСФО). То есть то, что позволит российским банкам интегрироваться в международное банковское сообщество. Но все эти принципы, люди, работавшие в сов- и розграницбанках, должны были усвоить раньше. Иначе они просто не смогли бы там работать! Так что, переходя на работу в банки на территории России, они приносят сюда свои знания. За годы работы наших банков за рубежом была подготовлена целая плеяда хорошо известных в нашей стране банковских работников, которые сыграли свою роль в сложный переходный период нашей экономики и во многом помогли в становлении банковского дела новой России.

Наши банки за рубежом всегда являлись и внешними помощниками России при решении вопросов, при периодически возникающих экономических сложностях, становясь проводниками выхода во внешний мир. Особенно это было важно для Советского Союза, изолированного от Запада. В годы наибольших осложнений отношений эти банки были своеобразным финансовым мостом для финансирования торговых операций и привлечения средств для реализации крупномасштабных государственных проектов. Через воздвигнутый «железный занавес» трудно было проникнуть, и для СССР это были механизм экономического взаимодействия с Запа-

дом, с Востоком. Роль наших банков за рубежом трудно переоценить, в нашей истории была масса случаев, когда в силу обострений международной политической обстановки нам закрывали те или иные каналы этого общения, перекрывали финансовые потоки, замораживали средства на счетах государственных банков. Но при этом совзагранбанки оставались на плаву и в этих сложных, кризисных ситуациях играли свою важную роль. Бывали, конечно, сложные положения и у самих советских банков за рубежом, и в этом случае их всегда поддерживало наше государство.

На сегодняшний день ситуация изменилась, этого занавеса больше нет. Роль российских банков за рубежом должна, естественно, быть переосмыслена и изменена. Сейчас любые банки могут свободно выходить на международную арену. И парадокс — с появлением свободы нельзя сказать, что российские банки успешно открываются и действуют на западном рынке. Эффективных можно по пальцам пересчитать.

Важность созданной еще в Советском Союзе системы заграничных банков велика. В частности, только один пример. Мы неоднократно предлагали генеральному директору «Аэрофлота» г-ну Окулову использовать для расчетов российские заграничные банки. Однако ему показалось эффективнее расчеты проводить через «City bank», имеющий более широкую сеть отделений. Однако завтра произойдет что-то в наших отношениях с американцами, заморозят они счета и ни один российский самолет не взлетит! Так что у меня нет уверенности, что пришло время передать обслуживание наших внешнеэкономических операций иностранным банкам! Более того, есть обратная убежденность.

Да, российские коммерческие банки на сегодняшний день находятся в неравных конкурентных условиях с крупными западноевропейскими и американскими банками. Им не хватает капитализации, у них неразвитая филиальная сеть, ограниченный набор предлагаемых банковских продуктов, более дорогие деньги для клиентуры, мешает и ряд других факторов. Но не последнюю роль играет и недостаточно развитая банковская корпоративная культура, все еще далекая от стандартизированных принципов ведения банковского дела, сформулированных «Базелем-II». И, с моей точки зрения, банковские кадры, подготовленные в сов- и росзагранбанках, являются наиболее квалифицированными носителями мировой банковской культуры.

И вот сейчас российские банки за границей входят в новый эволюционный этап своего развития. Они становятся зарубежной сетью нашего крупнейшего Внешторгбанка. Центром этой зарубежной сети выбран старейший коммерческий банк, насчитывающий восьмидесятилетнюю историю, — Московский народный банк в Лондоне. Я уверен, что и в новой исторической ситуации росзагранбанки продолжают играть свою роль мощного финансово-экономического рычага в развитии экономического потенциала России, если у новых хозяев хватит политической мудрости сохранить и преумножить то, что было создано за многие десятилетия несколькими поколениями российских банкиров.

**Русско-Иранский банк, Тегеран
Экономический отдел**

**16 апреля 1980 г.
Информационные сообщения**

Решение о частичном выкупе банковских акций

Ниже следует полный перевод текста циркулярного письма Центрального банка Ирана №246/Г от 21.01.1359 г. (10.04.1980 г.) относительно частичного выкупа акций иранских банков, находящихся на руках у местных акционеров.

XXX

«Настоящим сообщаем, что на заседании банковской Ассамблеи от 25.12.1358 г. (15.03.1980 г.) состоялось обсуждение вопроса о порядке авансовой выплаты части номинальной стоимости акций национализированных банков, принадлежащих иранским акционерам, в результате которого было принято следующее решение:

Акционерам, располагающим акциями на общую сумму до 100 тыс. риалов, выплатить до 90% номинальной стоимости акций.

Акционерам, располагающим акциями на сумму до 200 тыс. риалов, выплатить до 70% номинальной стоимости акций.

Акционерам, располагающим акциями на общую сумму до 500 тыс. риалов, выплатить до 40% номинальной стоимости акций.

Акционерам, располагающим акциями на сумму до 1,0 млн риалов, выплатить до 30% номинальной стоимости акций.

Акционерам, располагающим акциями на общую сумму до 1,5 млн риалов, выплатить до 20% номинальной стоимости акций.

Акционерам, располагающим акциями на сумму до 2,0 млн риалов, выплатить до 15% номинальной стоимости акций.

При проведении выплат по вышеуказанной шкале следует исходить из общей суммы акций каждого акционера во всех национализированных банках и кредитных учреждениях.

В случае, если до выплаты упомянутого аванса еще не будет готов общий список акционеров банков и кредитных учреждений, по которому можно было бы определить сумму акций каждого акционера во всех национализированных банках и кредитных учреждениях, приемлемо получение письменной гарантии от акционера в том, что кроме предъявленных (к оплате) акций он не располагает другими акциями в национализированных банках и кредитных учреждениях. Однако если после завершения ревизии в указанных банках и учреждениях выяснится иное, то такие акционеры потеряют право на получение (дальнейшей) компенсации.

Акционеры, располагающие акциями в сумме, находящейся в промежутке между той или иной категорией вышеприведенной шкалы, имеют право на получение аванса по нижней категории в пределах максимальной предусмотренной для данной категории суммы и по верхней категории — по остатку.

Например, акционер, располагающий акциями на общую сумму в 1,2 млн риалов, получает 30% номинальной стоимости акций на 1,0 млн риалов и 20% номинальной стоимости остальных акций, т. е. всего 340 тыс. риалов (300 тыс. + 40 тыс.).

Для выплаты аванса по указанному методу национализированным банкам и кредитным учреждениям следует изыскать необходимую сумму из собственных источников. Правительство затем примет надлежащее решение в отношении покрытия выплаченных сумм или, например, уменьшения в пределах выплат капитала, национализированных банков и кредитных учреждений.

В связи с тем, что вышеприведенное решение предполагается опубликовать для сведения широкой публики, просим Вас (руководителя банковского учреждения, которому адресован циркуляр), дать указание в кратчайший срок подготовить план по его исполнению и, в случае возникновения каких-либо проблем, которые требуется рассмотреть и решить до публикации решения, срочно связаться с Высшим советом банков, с тем, чтобы акционеры могли обратиться в банковские учреждения страны за получением указанного аванса до 1 ордибехешта текущего года (т. е. до 21.04.1980 г.).

Источник: Циркуляр Центрального банка Ирана

Примечание: Новый циркуляр ЦБИ направлен на удовлетворение требований многочисленных мелких держателей акций иранских банков (включая банковских служащих), выразивших растущее недовольство затягиванием властями принятия конкретных решений по урегулированию вопроса об акциях национализированных банков. Для таких держателей выплаты процентов и дивидендов по акциям, которые после национализации прекратились, прежде составляли важную часть доходов. В циркуляре полностью опущен вопрос о средних и крупных акционерах, т. е. о тех у которых общая сумма акций составляет свыше 2,0 млн. риалов или свыше 28,3 тыс. долл. США в пересчете по официальному курсу, а также вопрос об иностранных держателях акций иранских банков.

Баланс Банка по состоянию на 31 декабря 1979 г.

Активы

Касса, средства в национальном банке и остаток на текущем почтовом счете — 25.351.666.04

Банки-дебиторы до востребования — 3.192.098.93

Банки-дебиторы на срок в т.ч. на срок до 90 дней шв.фр.82.933.246.32 — 393.052.566.03

Векселя, краткосрочные ценные бумаги — 153.340.101.69

Контокоррентные счета (овердрафт без покрытия) — 1.217.413.10

Контокоррентные счета (овердрафт с покрытием) — 817.109.60

Ссуды на срок без покрытия — 3.000.000.00

Ссуды на срок с покрытием — 32.081.853.15

Контокоррентные кредиты и ссуды на срок публично-правовым институтам — 25.307.501.55

Ценные бумаги — 13.615.819.90
Постоянные участия — 7.994.220.00
Недвижимость — 630.000.00
Прочие активы — 115.718.769.90
Неоплаченный акционерный капитал — 20.000.000.00
ИТОГО 795.319.119.89

Пассивы

Банки-кредиторы до востребования — 32.993.853.54
Банки-кредиторы на срок в т.ч. на срок до 90 дней шв. фр. 392.853.000. — 574.532.000.00
Кредиторы до востреб., текущие счета — 5.010.367.76
Кредиторы на срок в т.ч. на срок до 90 дней шв. фр. 36.638.65 — 36.638.65
Прочие пассивы — 74.229.186.87
Акционерный капитал — 65.000.000.00
Обязательные резервы — 5.000.000.00
Прочие резервы — 30.000.000.00

Нераспределенная прибыль прошлого года — 720.476.21
Чистая прибыль
1979 г. — 7.796.596.86 — - 8.517.073.07

ИТОГО — 795.319.119.89

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА СССР**

тов. АЛХИМОВУ В.С.

В декабре 1980 - феврале 1981 года в Тегеране находилась советская правительственная делегация специалистов Госбанка СССР и Внешторгбанка СССР в составе гг. Макеева А.Р. (глава делегации), Воронина А.Г., Иванова Д.Л., Михайлова В.Ф., Ломакина И.К., Губырина В.К. Делегация провела переговоры с иранской стороной о передаче в собственность правительства Ирана Руссиранбанка и о выплате Советскому Союзу компенсации в связи с национализацией банка.

В результате успешно проведенных переговоров советская сторона полностью вернула оплаченный капитал банка и большую часть резервного капитала. В связи с этим предлагаем премировать всех членов советской делегации месячным окладом за счет фонда Председателя (для работников Внешторгбанка СССР) и премиального фонда Госбанка СССР.

Заместитель Председателя
Правления Госбанка СССР

В.А. Лекнев
В.А. Лекнев

Председатель Правления
Внешторгбанка СССР

Д.А. Иванов
26.02.1981
Д.А. Иванов